

Часть III. Сюжеты средневекового происхождения

Вступление

Р. Г. Назиров

Подготовка текста Б. В. Орехова

Ночью 31 декабря 406 года десятки тысяч вооружённых людей начали по льду переход через Ренус, с восточного берега на западный. То было сарматское племя аланов, а также германские народы — свевы и вандалы. Они шли бесконечными толпами и в следующие дни, за воинами тянулись обозы с женщинами и детьми, стада скота, всё движимое имущество. Они шли в Галлию, чтобы жить: в лесах Великой Германии стало слишком тесно.

Ренус служил границей Римской империи. На левом, западной берегу реки Юлианом и Феодосием I были на условиях пограничной службы расселены франки — храброе и сильное германское племя. Они отпускали длинные волосы и усы, свисавшие на грудь; носили рогатые шлемы и ловко дрались боевыми топорами. Союзники Рима, стражи Галлии, они в ту холодную зиму взялись за оружие и нанесли поражение пришельцам из-за Ренуса.

Однако аланов, свевов, вандалов было слишком много. На смену разбитым шли новые толпы: позади у них уже не было земли, им некуда было возвращаться. Преодолев упорное сопротивление франков, они за пять лет огнём и мечом прошли всю Галлию. Они не хотели в ней оставаться, понимая, что не смогут сладить с её многочисленным населением и закрепиться в ней: нашествие прорвалось через Галлию, перевалило через Пиренеи и заполнило Испанию.

Восток Галлии, служивший ареной главных боёв, был разорён; на опустевшие земли из-за Ренуса постепенно переселялись новые волны франков, аллеманов и др-х германцев. Империя не имела сил им сопротивляться. Ещё аланы, вандалы и свевы прокладывали себе путь к Пиренеям, когда потрясающие события произошли в Италии.

Вестготы во главе с Аларихом вторглись в Италию и осадили Рим. Город был сильно укреплён, однако ночью 24 августа 410 года римские рабы открыли варварам ворота Рима. Аларих, добыв столицу без крови, запретил своим воинам убивать римлян, но разрешил грабить. Потом он с огромной добычей покинул Рим и двинулся на юг, собираюсь переправиться на Сицилию, но в Южной Италии внезапно умер.

Империя была охвачена ужасом, и Софроний Иероним выразил общее чувство: «Когда погас самый блестящий свет, когда отсечена была глава Римской империи и, скажу вернее, целый мир погиб в одном городе, онемел язык мой и был я глубоко унижен».

Однако уже в ту эпоху современники уловили смысл ужасных событий, причины краха величайшей государственной организации. Священник Сальвиан в Марселии писал:

«Неудивительно, что бедняки ищут у варваров человечности, потому что они не могут снести у римлян варварской бесчеловечности. . . »

Римляне с их манерой организованности четыре столетия шлифовали и совершенствовали гигантскую машину эксплуатации. Они создали империю, поражающую своей предусмотрительностью и регулярностью; этот фатализм порядка противен всякой живой душе человеческой, ибо холодная жестокость государственного разума не оставляет места никакой надежде, никаким мечтам о лучшей доле: закон есть неумолимая судьба, все должны ему подчиняться, и нет мест вопросу «зачем?» Ответ ясен: разум лучше безумия, порядок лучше свободы, терпение лучше мечты.

Этот бездушный разум так долго насилывал народы, что их единственной надеждой стал беспорядок: варваров «ожидали как спасителей» (Фридрих Энгельс).

После смерти Алариха вестготы подняли на щиты Атаульфа. Когда Иовин взбунтовал Галлию против империи, двор императора в Равенне лестью и обещаниями склонил нового вестготского короля отправиться в Галлию. Вестготы победили Иовина и в 412 году с разрешения императора поселились в Нарбонской Галлии как союзники Рима; за победу над Иовином император Гонорий отдал Атаульфу руку своей сестры Галлы Плацидии. Дочь Феодосия Великого стала королевой вестготов. Своей столицей Атаульф выбрал Тулузу.

Расширяя свои владения к югу от Пиренеев, Атаульф в 415 году погиб под Барселонной. Вестготы избрали нового короля, и в 418 году Гонорий официально уступил ему Юго-Западную Галлию. Королевство вестготов было признано империей. В 419 году в Тулузе воцарился внук Алариха — Теодорих; под его предводительством вестготы завоевали огромные пространства на Пиренейском полуострове.

На востоке Галлии утвердились свирепые бургунды, на севере постепенно усиливались франки. Император жил в Равенне, окружённой болотами и потому более надёжной, чем великий и беззащитный Рим. Граждане Западной Римской империи чувствовали, что земля уходит у них из-под ног. Германцы казались непобедимыми и свысока смотрели на выродившихся римлян. В самих легионах в основном служили наёмники-варвары, и короткий римский меч вытеснялся длинной германской «спатой». Настала эра огромного смешения языков и духовных ценностей. Государственной религией обеих империй стало христианство, и в яростных христологических спорах церковь утверждала среди давних поклонников логики своей великий парадокс: Иисус Христос был человеком, терпел муку и умер на кресте, но он же был Сыном Божиим и через три дня воскрес. Человек из небогатой семьи — но он же Бог!

Попытка Ария вернуться к привычной логике античного мира была отвергнута с негодованием, но на смену Арию вырастали новые и новые ересиархи. Германские варвары постепенно обращались в христианство, и вестготов окрестил их знаменитый епископ Ульфила, арианин; вестготы обратились в христианство по Арию. Однако теперь они морщили лбы, пытаясь уразуметь историю и поучения иудейского Учителя, бродившего с нищими спутниками по горам вокруг какого-то дальнего озера, а затем посмертно покорившего пол-

мира. В самом факте неуклонно нараставшей христианизации германцев выразился гигантский синтез культурных миров, к-рые три поколения назад ещё представлялись взаимно непроницаемыми.

Варвары уже знали вкус сладких вин, со знанием дела рассуждали о городах и женщинах Италии, а нек-рые даже умели говорить по-латыни. Однако мир был недолог, вековой разгон ещё не устоялся, и на смену ненавистному, дряхлеющему порядку шёл хаос новой варварской свободы.

На огромных просторах Восточной Европы кипело и устраивалось царство гуннов, к-рые изгнали оттуда готов и покорили сотни других племён. Низкорослые, смуглокожие люди с узкими глазами, гунны казались сыновьями Запада «приросшие к коням»; на этих крепких, выносливых, неказистых лошадёнках они покрыли путь в пятнадцать тысяч миль, пройдя от северных границ Китая до Дунайской равнины. Среди гуннов чужестранец не мог бы распознать их страшного вождя, ибо Аттила одевался, как рядовой воин. Он был малого роста, с широкой грудью и большой головой; лицо его с редкой бородёнкой свидетельствовало о несомненном уме. Он был очень неприспособлен в пище и питье; ел только на деревянной посуде. Он довёл до совершенства степную стратегию гуннов: уничтожая и изгоняя непокорные народы, щедро награждал покорившихся и включал их в состав своей полукочевой империи на равных с гуннами правах.

Так стали гуннами остготы, и само имя «Аттила» на готском языке означало «батюшка». В рядах неисчислимых гуннских орд сражались и рослые люди с льняными волосами, отдалённые родственники германцев, называвшие себя славянами. Историк Иордан, описывая поминки по Аттиле, записал гуннское название поминального пира: «страва». Это слово можно найти в словаре В. И. Даля; даже на недавнем великорусском языке оно означало «еда». Гунны словно впитывали в себя встречные языки и обычаи.

В 437 году римский полководец Аэций в союзе с гуннами нанёс страшное поражение бургундскому королю Гундахау; бургундское королевство со столицей в Вормсе было уничтожено, и остатки бургундов бежали в гористую Сапаудию (Савойю). Аэций оттягивал края империи, стравливая варваров с варварами, но это не могло продолжаться вечно.

Будучи давним другом Аттилы, Аэций использовал гуннов против германцев; однако с Восточной империей у Аттилы не было такой дружбы. В 447 году он опустошил её земли и дошёл до Константинополя; Феодосий II откупился от Аттилы, став его данником. Отныне он платил самому могущественному из царей земли, низкорослому азиату с плоским лицом, 700 фунтов золота в год.

В середине V века Аттила счёл время подходящим для покорения и Западной империи. Удивительная любовная драма предшествовала самому кровавому из гуннских вторжений.

Гонорию, сестру Валентиниана III, во избежание её брака и потенциальных претензий её мужа на престол, заперли во дворце и готовили к монашеской жизни. Много лет Гонория боролась против предначертанной ей судьбы. Она вступила в тайный брак с управляющим её имений Евгением. Когда этот брак был раскрыт, Евгения казнили, а Гонорию под по-

чѣтным конвоем сослали в Константинополь, ко двору её двоюродного брата. В порыве мстительного отчаяния, злосчастная принцесса тайно послала верного евнуха к самому Атиллу с предложением взять её в жѣны; она отправила ему в залог драгоценный перстень.

Эта история похожа на сказку, но о ней повествуют серьёзные и знающие хронисты. Коль скоро два императора согласились лишить Гонорию обычной женской жизни, она взывает к единственной силе, которая превыше этих императоров, и к жениху, к-рого убить они не смогут. Для Гонории Аттила был высшей инстанцией, варваром-избавителем от разумного порядка, ибо порабощѣнная женщина так же враждебна этому порядку, как и задушенным им народы. Перстень Гонории — это удивительный символ ожидания свободы от самого страшного из разрушителей.

Аттила огласил свои претензии на брак с Гонорией к ужасу и возмущению всего Запада; он потребовал от Валентиниана его сестру в жѣны, а в приданое за нею — ряд земель Западной империи и великие сокровища. Не получая ответа, Аттила начал собирать своих гуннов, остготов, герулов, гепидов, ругиев и иные племена. Весною 451 года эта колоссальная масса перешла через Рейн и вторглась в Галлию; города её запылали.

Аэций, «последний из римлян», особенно любил Галлию и планировал именно в ней воссоздать Римскую империю. Но великая энергия Аэция исходила, разумеется, не из узко личного источника: спасая Галлию, спасая весь Запад, он сражался за своё «я» и за то великое прошлое, с к-рым мыслил себя неразрывно, несмотря на то, что вырос среди варваров. Из общей ненависти к гуннам и ради спасения своих жизней, своих жѣн и детей, под знамѣна Аэция собрались вестготы, аланы, алеманы, бургунды, франки. Сами римские легионы состояли в основном из галло-римлян и германских наѣмников. Ядро коалиции составили вестготы под водительством Теодориха I; из других сильнее казались дружины франков во главе с Меровеем.

15 июня 451 года на Каталаунских полях, в нынешней Шампани произошла неслыханная битва. Её справедливо считают решающим столкновением Запада с азиатским Востоком, хотя с той и с другой стороны было очень много германцев; вестготы, защитники Запада, обменивались бранью, проклятиями и ударами с остготами Аттилы на языке, понятном для тех и других. Битва длилась весь день. Протекавшая по равнине речка, переполненная кровью, вышла из берегов, и раненые, изнемогая от жажды, пили эту красную воду, те. свою собственную кровь. Верить ли расчѣтам, что с обеих сторон сражалось около полумиллиона и что за один этот день было убито 165 тысяч человек?

Ценою колоссальных жертв Аэцию и Теодориху удалось остановить орды Аттилы. Вечером он со своим войском был вынужден укрыться в укрепленном лагере. В ожидании штурма Аттилы приготовил всё необходимое для самосожжения, ибо цари гуннов никогда не сдавались в плен. Но утром 16 июня штурм не последовало, ибо в стане Запада начались разногласия, часть войск ушла, и бое стороны не решились возобновить битву. Аттила смог беспрепятственно отступить в степи своей Паннонии.

В масштабах этих колоссальных событий представляются мелкими спекуляции некоторых французских историков о том, что Аэций мог добить ослабленных гуннов, но сознательно не сделал этого, ибо огромное влияние Аэция в империи опиралось на страх перед гуннами: пока Атила был жив, Аэций оставался необходим Валентиниану III и его презренному двору, завистливо ненавидевшему этого «выскочку». Все эти мотивы — ничто перед ужасом каталаунских полей, и лучше всех ответил на эти кабинетные рассуждения храбрец Андреа Корнаро, к-рый в разгаре Бородинской битвы, убивая русских, вскричал: «Когда же, чёрт возьми, кончится эта проклятая бойня?»

В отвращении от залитых кровью каталаунских полей, вестготы, римляне, франки более не хотели резни: пусть гунны уходят; уцелевшие хотели жить. Вторжение продолжалось четыре месяца, но по Галлии пролегла широкая полоса мёртвой земли.

В 452 году Атила вернулся, но не пошёл больше на Галлию. Он вторгся в Северную Италию, разрушил прекрасную Аквилею, тогдашнюю столицу области Венеция: в Аквилее было 100 тысяч жителей, её называли «вторым Римом» (сегодня в Аквилее 3000 жителей; рыбацкая гавань по Адриатике). Атила взял Медиолан и шёл на Рим, гибель которого казалась неизбежной. Навстречу Аттиле со святыми дарами вышел римский епископ Лев, прося царя пощадить Город; удовлетвовавшись большим выкупом, Атила повернул вспять. С тех пор Льва называют Великим и чтут как святого, хотя в умиротворении Аттилы не было никакого чуда: в войске Аттилы началась губительная эпидемия какой-то заразной болезни, и он сам спешил уйти в привычный климат Дуная и а целебные травы Паннонии. Уходя из Италии, он пригрозил вернуться на следующий год, если ему не пришлю Гонорию.

Но Атила не вернулся. В 453 он взял в свой гарем новую наложницу — пленную бургундскую красавицу Ильдико. Наутро после пира слуги нашли на ложе плачущую девушку и мёртвого Аттилу; было объявлено, что царь гуннов умер «от великого ею наслаждения и отягощённый вином». Но тотчас же широко распространилось утверждение, что бургундка в ту ночь заколола Аттилу, мстя за гибель своего рода.

Гунны отметили кончину царя великим трауром, ристаниями и песнями. Затем в степи был насыпан курган и после пышной тризны, ночью, погребли в кургане труп Аттилы, заключённый в три гроба — золотой, серебряный и железный. В погребение опустили захваченное Аттилой оружие убитых врагов, дорогую конскую сбрую, золото драгоценностей без счёта. В ту же ночь были убиты все могильщики, чтобы место захоронения осталось неизвестным. Могилу Аттилы ищут до сего дня.

После его смерти многочисленные сыновья Аттилы передрались из-за власти, держава гуннов распалась, все покорённые народы восстали, и гунны, огрызаясь направо и налево, ушли со своими сокровищами на восток, где вскоре исчезли среди новых народов. Ещё ранее старик Аэций, окружённый ореолом непобедимости, но более «не нужный» для двора, был убит во время аудиенции у императора (21 сентября 454).

Наказание последовало незамедлительно. После гибели Аэция хозяевами империи остались только германцы. 16 марта 455 года заговорщики из прежних друзей Аэция убили в Риме Валентиниана III; в том же году вандалы, приплыв из своего пиратского гнезда в Северной Африке, захватили и разграбили Рим. Через двадцать лет Одоакр, офицер-германец, популярный в легионах, низложил последнего римского императора. Ромул Августул был слишком ничтожен, чтобы его убивать; его просто сослали на виллу в Кампанье, а все императорские регалии Одоакр отослал в Константинополь (476). В 489 году остготы во главе с могучим вождём Теодорихом, тёзкой вестготского союзника Аэция, вторглись в Италию; Теодорих силой оружия принудил Одоакра разделить с ним власть. Три ода они царствовали совместно, как это часто бывало в варварских землях, но в 493 году Теодорих убил Одоакра на пиру в Равенне и стал царствовать один.

Теодорих Великий ценил просвещение, покровительствовал науке и литературе, украсил новыми зданиями Равенну, Рим и свою любимую Верону. Правда, он не умел подписывать своё имя и казнил Боэция. Но всё же он явился первым созидателем из варварских королей. И дело вовсе не в его сооружениях или пристрастии к римской культуре. Дело в том, что он оставил в наследство всем немецким вождям, потомкам остготов или других племён, первую созидательную, а не разрушительную цель — воссоздание Римской империи.

Теодорих попытался обновить завоёванное им государство на началах равноправия варваров и римских граждан; он добивался слияния готов и римлян в одну нацию. Синтез остготской силы и римской культуры был тогда несбыточной утопической идеей; понадобится триста лет, чтобы некий рипуарский франк отчасти осуществил нечто подобное этому синтезу. Но до этого ещё было далеко, и в 496 году вождь франков Хлодвиг только ещё крестился, а год спустя захватил Лютетию Паризийскую, довольно приятный городок на острове среди Секваны.

И всё же утопист Теодорих — отец «имперской идеи» (die Kaiseridee) немецкой нации: он хотел строить, а не разрушать. Посему по справедливости он станет одним из главнейших героев древнегерманского эпоса, к-рый именуется его Dietrich von Bern, т. е. Теодорихом Веронским.

Эпоха великого переселения народов, добывания и исчезновения несметных сокровищ, колоссальных битв, трагических судеб целых племён оставила неизгладимую печать в памяти новой, германской Европы. Но совершенно исключительное место в её раннем эпосе занял Аттила, ужас одних народов и щедрый покровитель других. Для остготов, чьи предания оказались для раннегерманского сознания определяющими, Аттила не был врагом, напротив — представлялся могучим и мудрым государем; Дитрих Бернский выступает как его друг и союзник.

Германцы не забыли эпопею гуннских завоеваний, ужасы того кровавого V века, когда бесформенную массу сталкивающихся племён равно волновали сходные страсти — жажда добычи, родовая гордость и кровная месть. Но эпопея эта освещалась двояко.

«Старшая Эдда» донесла до нас древнее сказание, занесённое с континента. Дочь бургундского короля, прекрасная Кримхильда, была выдана замуж за Этцеля, короля гуннов, и родила ему двух сыновей. Братья Кримхильды, бургундские короли, владеют несметным сокровищем — золотом Нибелунгов, к-рое они спрятали на дне Рейна.

Этцель, желая завладеть сокровищем, заманивает братьев к себе во дворец, но они умирают под пытками, не выдав тайны.

На следующий день на пир к Этцелю собираются вожди гуннов. Прислуживая им, королева подносит мужу лакомое яство, а затем открывает ему, что он съел сердца своих сыновей.

Ради мести Кримхильда, как Медея, не пожалела собственных детей. Объятый ужасом Этцель падает на ложе, и Кримхильда вонзает меч ему в грудь, а затем поджигает дворец и гибнет в пламени: она предпочитает позору казни гуннское самосожжение. Остаётся добавить общеизвестные подробности: Этцель — это германизированное имя Аттилы, а Кримхильда — реминисценция бургундской пленницы Hildico: это имя есть диминутив от Хильды (Hilda, Hildchen).

Так завязывается история немецкого национального эпоса о Нибелунгах, в к-ром остготские песни и сказания, бургундское предание об отмщении Хильды, кровавые легенды о бешеной вражде двух франкских королей (Брунхильды и Фредегунды) слились со скандинавскими сагами мифологического происхождения.

История этого эпоса изучена и продолжает изучаться специальной литературой; было бы непростительной дерзостью с нашей стороны пересматривать или переделывать плоды многолетних трудов учёных, результаты целой научной дисциплины. Но, может быть, нам удастся дополнить эту огромную работу хотя бы одним-двумя новыми штрихами, несколькими соображениями, которые не останутся бесполезными для специалистов.

Попытаемся отыскать «центры тяжести» в компонентах этого эпоса или скажем иначе — сюжетообразующие центры в сказаниях, из которых сложилась «Песнь о Нибелунгах».

Причина смерти Альбоина — похвальба + эротич. момент!